

IV

В ПЛЕНУ В ЯПОНИИ

Из Порт-Артура вышли мы, как подобает побежденным. Японцы вели нас по тропинкам и дорожкам. Шли мы долго, целый день. Погода была ветреная. К вечеру мы остановились в китайской деревушке на ночлег. И, к нашему удивлению, мы узнали эту деревушку, — она нам была знакома, так как находилась всего в 5 верстах от города. Поняли мы, что японцы водили нас весь день вокруг да около, по военным соображениям. Трумпельдор со своим взводом очутился во дворе одного китаецца. Прошло некоторое время, многие уже спали. Трумпельдор вышел во двор посмотреть, все ли люди имеют где и на чем спать; я остался в маленькой палатке устраивать постель. Слышу какое то движение; выглянул и вижу — китаец и его ребята пляшут вокруг Трумпельдора и приговаривают: «Шибко твоя шанго капитана» (хороший ты господин) — «Что такое, Ося?» — «Видите, я

его как то в Артуре защитил от нападения одного пьяного разбойника; теперь он меня узнал и рад, что я жив». Китаец шмыгнул в свою фанзу (избу) и вынес оттуда ананасы, мандарины, рис и другие китайские яства. — «На тебе, капитана, твоя шибко шанго, хунхуза моя кандраши хотел сделать, а твоя не давал». При этом он открыл губы, стиснул зубы и стал вбирать воздух так, что образовался звук «ц-с-с-ы». Это означало, что он очень благодарен за спасение.

Посадка на пароходы произошла в г. Дальнем. До Японии ездили мы дня четыре. Ехать на пароходе было великолепно. Стояла чудная теплая погода. Солнце грело и ласкало. Пароход тихо плыл к берегам сказочной страны Восходящего Солнца. Есть было вдоволь, спать мягко и чисто. Очутились мы словно в раю, после осады. Трумпельдор отдыхал вместе со всеми пленными. Лежит он, бывало, по целым дням на спине с закрытыми глазами и казалось думает о чем то далеком.

— Ося, о чем вы думаете ?

— Я не думаю, а стараюсь прийти в себя, чтобы в плену начать новую жизнь, жизнь мирную, культурную.

— Дай Бог.

— Б-р-р-р, гадкая вещь война...

Нас, порт-артурцев, японцы отправили на самый большой остров японского архипелага — Нипо. По этому острову они нас возили по железной дороге два дня, чтобы народ нас видел. Народ выходил на железнодорожные станции и встречал нас криками «банзай, банзай» (ура). Наконец, мы приехали в г. Сакай, откуда нас отправили в Хамадера-Тайкаси, где мы и прожили год с лишним. Место было живописное, — красивая долина на берегу моря, вся покрытая огородами, садами, полями риса, храмами и маленькими домиками. Лагерь для пленных был построен у самого моря. Помещением для жилья нам служили специально построенные деревянные бараки; каждый барак вмещал 200 пленных. Лагерь представлял собою огромную площадь с 50-тью бараками, кроме кухонь, базара, площади для гулянья, различных канцелярий, приемного покоя, четырех караульных помещений, бани, хлебопекарни и прочих служб. Он был окружен с трех сторон высоким забором, а с четвертой, прилегающей к морю, — частоколом. Создался маленький городок с населением в 10.000 мужчин; из него без разрешения начальства не выпускали. Бараки были длинные, узкие, по бокам шли вдоль невысокие нары с циновками. Барак освещался

электричеством; были также устроены водопровод, уборные и прочие удобства. Чтобы облегчить пленным выполнение религиозных потребностей (так они это объясняли), японцы разместили нас по национальностям. Нас, евреев, было среди пленных 500 человек, и мы занимали 3 барака на одном конце лагеря; за нами шли татары, за татарами поляки, немцы, латыши, эстонцы, а затем русские. Во время русско-японской войны военнопленных на работу не посылали; целый день мы были свободны и могли делать, что хотели, понятно, в пределах лагеря. Единственная работа, которую мы должны были выполнить, была работа на кухне и в пекарне, — работа для себя же. Все-же остальные работы: уборка двора, амбулатории и проч. выполняли старики-японцы. Кормили нас недурно, до некоторой степени обували и даже платили нам «жалованье» — по 50 сантимов в месяц рядовым и по 3 иены унтер-офицерам.

Такова была обстановка, в которой Трумпельдор развил свою деятельность. 500 евреев, собранных в одном месте. Евреи со всех концов России: из Польши, Литвы, Бессарабии, Волыни, Подолии, Кавказа, Сибири, Восточной России, Украины, Крыма. Евреи разных возрастов: двадцатилетние юноши и отцы семейств

(из запаса). Евреи разных классов и убеждений: богатые и бедные, купцы, ремесленники и интеллигенты, сионисты и бундовцы, националисты и ассимиляторы, ортодоксы и свободомыслящие, хасиды разных толков; грамотные и безграмотные, талмудисты и просто евреи без всяких определений. Это был материал, с которым Трумпельдор соприкасался впервые в своей жизни.

Выросши на Кавказе, вдали от еврейской массы, он представлял себе еврея, как представляют себе героя в сказках: еврей — воплощенное благородство, а вокруг него — кривда и неправда. Впервые он ближе узнал еврейскую массу в Тульчине, Подольской губ., куда он попал на военную службу. — «Неужели все евреи такие?» спрашивал он. И сам же давал ответ: — «Нет, ибо если-бы все евреи были таковыми, то русский писатель Д. Мордовцев не писал бы о них так, как он писал, а Элиза Оржешко — ведь она полячка, а как пишет о евреях!»... Жизнь, однако, оказывалась сильнее литературных авторитетов. В Тульчине в то время жил Талненский цадик («дер Талнер ребе»). Трумпельдор, начитавшись хасидских рассказов Л. Переца, решил побывать у цадика. На праздник Сукот, пред отъездом в Порт Артур, отправились мы к цадику. При-

шли как раз во время трапезы. Было торжественно, много народу сидело за столом. Сам цадик правил трапезу. На Трумпельдора все это произвело сильное впечатление; но после ужина подошел к нам, солдатам, старший сын цадика, мальчик лет 13, и обратился к Трумпельдору:

— Gib mir a kerbele.

Тот не понял, было, чего он хочет. Я ему объяснил, что мальчик просит у него рубль. Трумпельдор спросил, для чего ему этот «кербеле», тогда меламед и «наставник» сына цадика развил пред нами мысль, что его воспитанник почти уже взрослый, и ему необходимо иметь свою собственную кассу; все посетители дают ему «кербелех», солдаты тоже.

— А почему он не работает? — задал вопрос Трумпельдор.

— Что ты, что ты, как это можно, чтобы сын цадика работал — *di gojim soln arbeth* (пусть гои работают), — возмущенно заявил воспитатель. Трумпельдор поспешил уйти и долго не мог очнуться от этого посещения. Но Л. Перец победил и здесь. — «Наверное, есть истинные цадики, но нам, простым смертным, не суждено видеть их. Это там, на Литве или в Польше, в Любавиче или в Варшаве живут они, там их Перец и видел».

утешал он себя. И он достал несколько переводных рассказов Переца о хасидах и цадиках и перечитывал их, а меня он просил, чтобы я ему читал Переца в оригинале и переводил ему. И он успокоился.

— Это единичный случай, просто мальчуган, невоспитанный, не понимающий значения хасидизма.

Евреи остались для Трумпельдора теми же героями возвышенной сказки... Первое же соприкосновение с евреями в плену подвергло эту его веру тяжелому испытанию.

Мы, пленные, только что приехали в Тайкаси-Хамадери. Переночевали первую ночь. Помню, как сегодня, — это было в субботу. Рано утром прибежал к Трумпельдору солдат из нашего барака и со слезами на глазах сообщил ему, что у него ночью украли 100 руб. и что он подозревает одного солдата-еврея из 25-го полка, за которым еще в Порт-Артуре водились такого рода грехи. Трумпельдор заинтересовался делом. Еврей — вор; для него это новость.

— Может быть вам кажется, что у вас украли, может быть у вас и не было денег? Вы понимаете ответственность, какую вы берете на себя, если окажется, что у вас вовсе денег не было?

Но убедившись, что деньги у потерпевшего действительно были, и именно сто рублей, и что их ночью украли, он взялся за дело. Повозился он с этим до вечера. Вечером он вернулся усталый, но довольный. Деньги он потерпевшему вернул, пообещав виновному, что об этом никто ничего не будет знать; тот в свою очередь дал слово, что это в последний раз. Он по профессии сапожник и будет работать, он просит только достать ему инструменты. И действительно, он позже стал примерным работником. Никто о случившемся больше не вспоминал. И позже, когда Трумпельдор уезжал в Россию (он уехал из Японии на месяц раньше других, как инвалид), этот вернувшийся к своей профессии сапожник напутствовал его благословениями: «Спасибо вам, г. Трумпельдор, вы меня спасли; я теперь уверен в себе; никогда, никогда больше не случится со мною ничего подобного; теперь я рабочий, могу заработать себе на жизнь; это была болезнь у меня, но теперь я чувствую себя вполне здоровым. Спасибо вам...»